

Брэм Стокер

ЗМЕИНЫЙ ПЕРЕВАЛ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Bram Stoker

The Snake's Pass

Глава I

ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

Между двумя огромными серо-зелеными горами, между суровыми скалами и изумрудными кронами деревьев пролегла долина – узкая, словно ущелье, протянулась она на запад, к морю. Здесь едва хватало места для дороги, наполовину прорезанной в камне. Она шла вдоль узкой полосы темного озера невероятной глубины, под сенью нависающих утесов. По мере того как долина расширялась, по сторонам вздымались крутые склоны, а озеро превращалось в бурный пенный поток, разделявшийся на крошечные запруды и озера на относительно ровных участках берегов. Ступенчатые уступы гор время от времени были отмечены следами цивилизации среди пустынных просторов: группы деревьев, коттеджи и небольшие, обнесенные каменными оградами поля произвольной формы, черные груды торфа, припасенного к зиме. А вдали начиналось море – точнее, величественная Атлантика с диким извилистым берегом и мириадами мелких скалистых архипелагов. Темно-синие воды и неясный горизонт, озаренный

бледным свечением, а у самого берега тут и там вздымались пенные валы, различные в разрывах скал, о которые разбивались ритмично накатывающие волны, то и дело проглатывающие участки песчаного пляжа.

Меня поразило небо – оно затмило все прежние воспоминания о красоте небес, хотя я как раз прибыл с юга и был буквально околдован итальянскими вечерами, когда темная синева небес постепенно обретала бархатистую черноту соловьиных ночей, а голоса птиц гармонировали с богатством цветовых оттенков и вместе они создавали единую атмосферу.

Вся западная часть неба представляла собой великолепие пурпура и темного золота, обрамленное массами штормовых туч, громоздившихся ввысь и припадавших к морю, словно на них навалился невыносимый груз. Фиолетовые тучи к центру становились почти черными, а их внешние края были чуть подсвечены золотистыми тонами. Между ними сверкали бледно-желтые, шафрановые и пламенно-алые перистые облака, ловившие сияние заката и отбрасывающие отсветы на небо к востоку.

Никогда прежде мне не доводилось видеть столь прекрасный пейзаж, а поскольку я привык к пасторальным равнинам и лугам во время визитов в ухоженное имение моей двоюродной бабушки в Южной Англии, новые впечатления совершенно захватили меня и взволновали воображение. За все полугодичное путешествие по Европе, которое только что завершилось, я не оказывался среди подобных ландшафтов.

Море, земля и воздух демонстрировали торжество природы, говорили о ее диком величии и красоте. Воздух вокруг был почти недвижим – но в этом покое чудилось нечто зловещее. Подобная тишина, все-

объемлющая и таинственная, создавала напряжение, предвещала перемены, надвигавшиеся издали – со стороны великой Атлантики, накатывавшей волны на скалы и заполнявшей полости между ними.

Даже мой кучер Энди внезапно замолчал. До сих пор, на протяжении сорока миль пути, он не умолкал, излагая мне свои взгляды на жизнь. Он делился приобретенным опытом, снабжал бесконечными сведениями о регионе, о нравах и обычаях местных жителей. На меня обрушивался каскад имен, подробностей чьих-то биографий, романов, надежд и опасений – всего, что составляло круг интересов и занятий этой провинции.

Ни один цирюльник – а ведь именно представителей этой профессии принято считать образцами неумолчного красноречия – не смог бы превзойти ирландского возницу, одаренного самой природой особым ораторским талантом. Не было пределов его способностям черпать вдохновение в любой детали пейзажа и превращать ее в источник новой темы, которую удавалось развивать вплоть до появления нового повода и нового фонтана сюжетов.

Впрочем, я был только рад «блестящему дару молчания», внезапно поразившему Энди посреди изменившегося ландшафта, так как я желал не только упиваться величием и необычностью всего, что открывалось теперь моему взору, но и понять во всей полноте те глубокие и незнакомые мне прежде мысли и чувства, что вызревали в душе. Возможно, все дело было в грандиозности пейзажа, а может, сыграла свою роль атмосфера надвигавшейся июльской грозы, но я ощущал непривычную экзальтацию, странным образом сочетавшуюся с обостренным чувством реальности окружающих меня объектов. Как будто в открытую к Атлантике долину шла не

просто града грозовых туч, но иная, новая жизнь, обладавшая властью и полнотой, прежде мне не ведомыми.

Я словно очнулся от долгого сна. Мой заграничный вояж постепенно сокрушил прежние неопределенные представления о жизни, а ощущавшаяся в воздухе буря казалась предвестием радикальных перемен в моей жизни. На фоне дикой естественной красоты и величия ландшафта я с невероятной остротой осознавал свое пробуждение, впервые воспринимая окружающий мир столь реальным и могучим.

До сих пор вся моя жизнь текла по инерции, я был слишком молод, мне не хватало знаний о мире – должно быть, в этом я не слишком отличался от сверстников. Я поздно расстался с детством и мальчишескими забавами и интересами, не спешил взрослеть, да и сейчас еще не до конца понимал свое новое положение. Я впервые оказался вдали от дел и обязательств – по-настоящему свободный от забот, вольный в своем выборе и занятиях.

Я был воспитан исключительно традиционно и спокойно, попечением старого священника и его жены. Мы жили на западе Англии, и, помимо моих товарищей по учебе, число которых никогда не превышало единовременно одного мальчика, я почти не имел знакомств. Круг моего общения был необычайно узок. Я считался воспитанником двоюродной бабушки – богатой и эксцентричной дамы твердых и бескомпромиссных убеждений. Когда мои родители сгинули в море, оставив меня, единственного их ребенка, совершенно без средств к существованию, бабушка решила оплатить мое обучение и обеспечить меня профессией, к которой я смогу проявить должные способности. Родственники отца отвергли его категорически после брака с моей матерью из-за

ее слишком низкого, на их взгляд, происхождения, и я слышал, что молодой чете пришлось пережить тяжелые времена. Когда их судно, пересекавшее Ла-Манш, пропало в тумане, я был еще совсем мал, и горечь утраты сделала меня еще более нелюдимым и сумрачным, чем я и так был по природе. Поскольку я не создавал проблем окружающим и не проявлял особого беспокойства или неудовольствия, двоюродная бабушка сочла, что мне хорошо там, где я оказался. По мере того как я подрастал, иллюзия того, что я являюсь учеником, рассеивалась, а старого священника все чаще называли моим опекуном, а не учителем. Я прожил рядом с ним те годы, которые молодые люди с более достойным положением в обществе проводят в колледже. Формальное изменение статуса не означало реальных перемен в моем образе жизни, но с годами меня стали обучать стрельбе и верховой езде, а также другим навыкам, считавшимся необходимыми для сельского джентльмена. Сомневаюсь, что у моего опекуна было на этот счет некое секретное соглашение с бабушкой, но он был предельно сдержан и никогда не показывал чувств по отношению ко мне. Каждый год меня отправляли к бабушке «на каникулы» в очаровательное имение. Старая дама демонстрировала суровость нрава и безупречность манер, а слуги обращались со мной почтительно, но с явной симпатией. В доме бабушки появлялись мои кузены и кузины, но ни с кем из них у меня не возникло сердечной привязанности. Вероятно, в том была моя вина или промах – я ведь был очень застенчив, – но в их обществе я всегда чувствовал себя чужаком.

Теперь я понимаю, что их отношение ко мне во многом определялось подозрительностью, и не случайной. Почувствовав приближение смерти, старая

дама, столь суровая ко мне на протяжении всех лет моей жизни, послала именно за мной, взяла за руку и проговорила с трудом, едва переводя дыхание:

– Артур, надеюсь, я не ошибалась, удерживая тебя на расстоянии. Жизнь может обернуться к тебе и доброй и дурной стороной, принести счастье и несчастье, но, может статься, ты обретешь много радости там, где не рассчитываешь ее найти. Я знаю, мальчик мой, что твое детство не было веселым, но поверь: я очень любила твоего отца – как сына, которого у меня никогда не было. И я слишком поздно поняла, как была неправа, отвергая его. От всей души я желаю, чтобы твои зрелые годы оказались более счастливыми и благополучными.

Она не в силах была ничего добавить. Глаза ее закрылись, а рука все еще крепко сжимала мое запястье. Я боялся убрать руку, потревожить ее этим жестом, но постепенно пальцы бабушки разжались, и только тут я понял, что она умерла. Прежде я не видел мертвецов, и это событие произвело на меня огромное впечатление. Однако юность обладает гибкостью и особым даром справляться с несчастьями. Кроме того, я не успел по-настоящему привязаться к бабушке, мы не были близки душевно.

Когда прочитали завещание, выяснилось, что я – наследник всего ее состояния, что автоматически делало меня одним из крупнейших землевладельцев графства. Мне трудно было сразу принять новое положение в силу застенчивости, и потому возникла идея отправиться на несколько месяцев в путешествие. По возвращении из полугодового вояжа я с радостью встретил друзей, которых приобрел за это время, и посвятил некоторое время визитам. Среди прочих получил я и приглашение побывать в графстве Клэр в Ирландии.

Я мог поступать как вздумается, а потому решил, что могу уделить неделю-другую такой поездке и расширить представление об Ирландии, по дороге заехав в западные графства и осмотрев некоторые достопримечательности. К тому времени я уже научился получать удовольствие от своего нового статуса. С каждым днем мир открывался мне в новом свете и дарил нечто любопытное и увлекательное. Вероятно, план моей бабушки увенчался успехом, и скромные условия в детстве лишь усиливали яркость и значительность перемен.

А теперь нахлынуло ощущение грядущих изменений внутри меня самого, и внезапность этого ощущения напоминала первые проблески зари, пробивающиеся сквозь утренний туман. Мне хотелось навсегда запомнить этот момент – во всей его полноте и свежести, а потому я жадно всматривался в детали пейзажа и впитывал малейшие впечатления. Центральным образом был мыс справа, на который падали косые лучи солнца. Я сосредоточился на этой картине, но тут меня отвлекло замечание, обращенное не лично ко мне, а куда-то в пространство:

– Ух ты! Да он скоро грянет!

– Что грянет? – переспросил я.

– Да шторм! Не видите разве, вона тамочки облака набрякли? Так и несутся прям сюда! Чес-слово! Еще пару минут тама были, а вот уже точ-утки летят.

Я не придал словам кучера большого значения, мысли мои все еще витали в других сферах, а внимание было поглощено красотой. Мы быстро спустились по долине, и постепенно мыс обретал все более выразительные очертания, напоминая округлую гору благородных пропорций.

– Скажи мне, Энди, как называется вон та гора? – поинтересовался я.

– Это которая? Вона та впереди? Ну, тута ее зовут Шлинаанаэр.

– Значит, гора Шлинаанаэр, – повторил я за ним.

– Ну, ващце-та нет, сама гора – Ноккалтекрор, если по-ирландски.

– И что это означает?

– Ну, эта, если перевести, будет вроде «потерянная золотая корона».

– А что тогда Шлинаанаэр, Энди?

– По правде говоря, это такая впадина между скалами вона там, ее и надо звать Шлинаанаэр.

– А это как перевести? Это ведь тоже по-ирландски? – уточнил я.

– Этта вы в точку! По-ирландски, как же еще? А переведешь – выйдет «змеиный перевал».

– В самом деле? А не знаешь ли ты, почему это место так называется?

– Ну, ващце-та не зря то место так прозвали, эт-верно. Вы подождите – доберемся до Джерри Сканлана или Бата Мойнахана тама в Карнаклифе! Вот они-та все знают про легенды и всяческие истории, так уж наплетут, как соберутся, заслушаешься. Вам их истории понравятся, уж поверьте! Ух ты! Ну вот точно как щас грянет! Уже близко!

И правда, шторм надвигался стремительно. Стало ясно, что через несколько мгновений гроза грянет в самой долине – и таинственная тишина сменится ревом стихии, а небо над нами потемнеет, затянутое тучами, и прольется ливнем. Внезапно, словно прорвало водопроводную трубу, на нас обрушились потоки дождя, промочив до нитки прежде, чем я успел закутаться в макинтош. Кобыла сперва испугалась, но Энди твердой рукой удержал ее, а потом приободрил несколькими словами, так что лошадь пошла

ровно и споро, как и прежде, только вздрагивала слегка и фыркала при вспышках молний и раскатах грома.

Размах грозы соответствовал величю пейзажа. В яростных проблесках молний, вспарывавших небо, горы представляли потусторонними черными тенями, сверкавшими в струях воды. Свирепый гром прокатывался над нашими головами и постепенно затихал, разбиваясь о стены горы и отзываясь многократным эхом где-то вдаль, напоминая перезвон старых, дребезжащих колоколов.

Мы мчались сквозь надвигающийся с моря шторм, возница погонял лошадь, не было надежды, что гроза вскоре закончится. Энди был слишком поглощен делом, чтобы говорить, а я сосредоточился на угрожающе раскачивавшемся экипаже, пытаюсь не потерять в порывах ветра ни шляпу, ни макинтош, кутаясь, насколько было возможно, от ледяных ударов ливня. Казалось, Энди совершенно равнодушен к физическим неудобствам. Он лишь поднял воротник, и только. Он был мокрый насквозь, по спине его стекали струи дождя. Впрочем, едва ли я в своих попытках укрыться промок меньше, чем он. Разница была лишь в том, что я ежился и тщетно суетился, а он принимал стихию такой, какая она есть, не проявляя тревоги.

Когда мы выбрались на длинный прямой отрезок довольно ровной дороги, он обернулся ко мне и заметил:

– М-да, ничего хорошего, коли придется вот так скакать всю дорогу до Карнаклифа! Вона какая буря – скока часов можа продлиться! Знаю я эти горы при северном ветрище. Можа, нам лучшее будет убежище поискать?

– Да, разумеется, – сказал я. – Попытайся отыскать поскорее подходящее укрытие!

– Есть тут местечко рядом, как грится, кров давы Келлиган на перекрестке с дорогой на Гленнашауглин. Вполне сойдет. А ну поживей! – прикрикнул он на лошадь, поторапливая ее вожжами. – Поспешим-ка мы к даве Келлиган.

Казалось, кобыла понимала его слова и разделяла желания, поскольку она припустила еще быстрее вниз, к боковой дороге, уводившей влево от нашего пути. Через несколько минут мы оказались на перекрестке и увидели впереди «кров давы Келлиган» – низкий выбеленный тростниковый дом-мазанку в глубокой лощине между высокими склонами к юго-западу от перекрестка. Наконец Энди притормозил, спрыгнул на землю и поспешил к двери.

– У меня тут чудной джинтман, дава. Ты уж позаботься о нем! – крикнул он, и я выбрался из экипажа и прошел в дом.

Не успел я и дверь закрыть за собой, как Энди взялся распрягать лошадь, чтобы поставить ее в убогую покосившуюся конюшню позади дома, напротив высокого утеса.

Надвигающаяся буря собрала под скромным, но гостеприимным кровом вдовы Келлиган весьма причудливую компанию путников. В камине жарко горел торф, а вокруг стояло, сидело и лежало не менее дюжины человек, мужчин и женщин. Комната была велика, а очаг широк, так что все смогли найти удачное место. Потолок почернел от копоти, тут и там из него торчали пучки старой соломы и тростника, по углам бродили петухи и куры. Над огнем на проволочном крюке висел вместительный котелок, от которого исходил аппетитный аромат; в целом в комнате пахло жареной сельдью и виски-пуншем.

Когда я вошел, все встали и приветствовали меня, предложив теплое место у очага. Прием был настолько искренним, что я рассыпался в благодарностях. Вскоре в комнату через заднюю дверь ввалился Энди с неизменным своим «Бо-о-ох всем в помощь!». Я на мгновение смутился, но немедленно выяснилось, что он здесь всем хорошо знаком – в ответ раздался радостный хор возгласов. Он тоже устроился у огня, захватив с собой большую чашу пунша – мне дали такую же. Энди не стал попусту тратить время и отхлебнул щедрую порцию согревающего напитка. Я последовал его примеру – честно говоря, если он получил от пунша большее удовольствие, чем я, то это были просто счастливейшие мгновения его жизни. Настроение наше сразу улучшилось.

– Ура, мы, глянь-ка, в самый раз подросли! – заявил он. – Мамаша, селедка готова? Чую, запах-то самый смак, или чувства меня обманывают – или там картофаном пахнет! Вот везуха нам так везуха! Лучше селедки тока селедка с картофаном.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался я.

– О, они тута селедку закладывают пещья с картофаном, как в чехол, тута самый смак выходит! Уж мне-то верьте.

Стали собирать ужин. Большую корзину для картофеля вместимостью не менее двухсот фунтов перевернули вверх дном, с огня сняли горшок с печеном и водрузили на корзину. Внутри оказалась горячая, источавшая соблазнительный запах и пар картошка. Достали из шкафа крупную соль. Каждому из присутствующих дали по куску селедки на куске хлеба. Вот и вся трапеза.

Не было ни тарелок, ни ножей, ни ложек или вилок, обходились без церемоний, но не суетились, не жадничали – подхватывали руками горячую картошку,

степенно, с видимым удовольствием откусывали от своей порции сельди. Редко доводилось мне участвовать в более сердечном и приятном застолье – да и простая еда показалась отменно вкусной. Идеально запеченная картошка, которую макали в соль, очистив край, сочная селедка.

Пока мы ели, прибыло еще несколько путников, застигнутых бурей; они уверяли, что просвета пока не видно. Впрочем, мы не нуждались в их подтверждении, так как завывание ветра и яростный стук дождя по крыше говорили сами за себя. После ужина корзину поставили на место, и мы все снова собрались у очага. Кое-кто извлек из сумок дудки – щедро льющийся пунш побуждал к веселью, разговор стал всеобщим. Конечно, как чужак, я привлек немало внимания со стороны местных жителей. Энди помогал разузнать то, что представлялось мне интересным, поясняя то и это, и мое желание прислушиваться к его словам явно поднимало авторитет возницы в глазах остальных. После пригоршни баек, анекдотов и шуток он заметил:

– Господин вона спрашивал меня как раз перед бурей, почто Шлинаанаэр так зовется. А я ему и говорю: ну, никто лучшее не расскажет, чем Джерри Сканлан или Бат Мойнахан, а тута, погляди, оба явились на огонек! Ну-ка, парни, давайте потешим джинтмана – чего вы там знаете из ваших сторий про гору, а?

– Да со всем моим удовольствием, – отозвался Джерри Сканлан, высокий мужчина средних лет с узким, длинным, чисто выбритым лицом и насмешливыми глазами; его воротник был высоко поднят, так что казалось, что голова утопает в одежде. – Чего уж там, скажу вам, что когда слышал от других. Дело такое – есть тута ляйгенда или стория, чес-слово! Тута полно ляйгенд и сторий, слов на все не хватит! Ма-

маша Келлиган, давай плесни мне стаканчик, чтоб глотка не пересохла от слов – всухую не скажешь! А вот вы мне, сэр, скажите пока: как там члинам парламенту наливают, чтоб говорили лучшее?

Я отрицательно покачал головой.

– Эх! Вот оно как! Пооди, наливали бы, так эти члины в своем парламенте законы получшее делали бы. Спасибо тебе, мамаша Келлиган, у тебя не засохнешь! Так вот – про лэйгенду о Шлинаанаэр...

Глава II

ПОТЕРЯННАЯ ЗОЛОТАЯ КОРОНА

– Ну, стал быть, в древние времена, прежде чем святой Патрик прогнал драконов с Ирландии, та гора слыла важным местом. Толкуют, что жил тама тока сам Змеинный Король. В тамошние дни на верхушке горы чуток от озера, где дерева и осока сплошняком и повсюду, тама Змеинный Король и гнездо учинил – или как тама змеинный дом называть-то надобна. Слава господу, но с нас-то никто их не знавал, вовсе не знавал – святой Патрик всех их к рукам прибрал!

Тут старик, сидевший в углу за очагом, подал голос:

– Точняк! Тама озеро тихущее стало, а в наши-то дни и усохло, и деревьев-то и нету.

– Ну так вот, – продолжил Джерри, явно не слишком довольный вторжением в его повествование. – Змеинный Король был ужасно важный. Он был разов в десяток большее, чем любая змеюка, какую тока людские глаза видали, и носил он золотую корону на макушке, корону со здоровущим камнем дорогим. И камень тот прямо вот свет ловил – будь то от луны или от солнца. А змеюки ему тащили еду, и когда

холод или тьма, то соберутся все и на камень тот смотрят, как выйдет Змеиный Король и ест. А опосля он к себе в гнездо вертался. И говорят, что если две змеюки про что сцепятся и свара у них, так они сразу к Королю ползут, а он решает, как их замирить: кому где жить, кому как дела делать. Все им скажет. И каждый год они тащили к нему живого дитенка малого. Говорят, он ждал, как луна наберет всю силу и закруглится, и тут слышали все дикий вопль, так что каждая душа, на мили кругом бывшая, содрогалась. А потом раз – и могильная тишина, и облака набегали на луну, и дня три никто луну и не видал опосля того.

– Ох ты, господи! – прошептала одна из женщин. – Жуть-то какая! – И она тихо простонала что-то, раскачиваясь туда-сюда, словно это движение успокаивало ее.

– И что же: никто ничего сделать не мог? – мрачно сверкнув глазами, спросил крепкий молодой парень в оранжево-зеленом свитере Кельтского спортклуба.

– Эвона! А чего тута поделаешь? Да и ващце – кто видал Змеинога Короля!

– Тогда откуда о нем узнали? – недоверчиво уточнил парень.

– Да разве ж каждый год не утаскивал кто-то у них по дитенку? Но, как ни толкуй, все давно минуло! Говорят, одна женщина, которая дитенка потеряла, на самую верхушку горы побежала, но кто слышал, чего там она видала. Когда ее тама отыскиали, она делалась точно лунатик какой – седая стала, глаза как у мертвяка. А назавтра в кровати глядят – она померла, и черная отметина на шее, как у удушенника, тока в форме змеи. Ну, стока все страха натерпелись, горевали, и когда уж святой Патрик взял змеюк энтих в свои руки, то по всей земле от них чисто стало. И не

видывали ни до той поры, ни опосля, чтобы столько змеищ извивалось и ползало, а потом раз – и нет их!

Тут рассказчик драматически представил всем телом, как извивались и ползли обреченные змеи, так что и руки, и ноги его стали повторять волнообразные змеиные движения.

– Все они уползли на запад, к этой самой горе. С севера, и с юга, и с востока, мильёны, и тыщи, и сотни – им святой Патрик велел пойти, но место не называл, а сам-то он встал на верхушке горы Брендон, и облачение надел, как положено у святых отцов, и крест в руке. А под ним змеюки ползают. И тута он говорит себе: «Надо присмотреть за ними». И пошел с горы и внутрь горы, а тама глянь – они ползут к горе, что зовут Ноккалтекрор. А к тому-то часу сползлись они со всей Ирландии, и все они тама вокруг горы, а головы задрали вверх и к горе, а хвостами к святому, так что змеюки-то его и не видали. И все как зашипят страшно, раз, два, три! И как третий раз прошипели, является Змеиный Король на верхушке горы, и корона золотая на нем блестит. А было время урожая, и луна на подъеме, а солнце вот-вот закатится, и его большущий камень забрал в себя и свет луны, и свет солнца, и прям весь сверкает – так ярко, что даже в Ленстере народ и по всей земле видал сверкание, как от пожара. А как святой его увидал, он прям вскипел, и стал расти – большее и большее, и как поднимет крест – и на запад им указал, и говорит – а голос точно буря: «Я говорю всем змеям! Изыдите!» – так вот и сказал.

И в то же мгновение, одним махом, с одним шипением – прям как водопад грохочет – все те змеюки от горы в сторону и поползли, да быстро-быстро, точно пламя им хвосты прижигает. И так-то их много было, что растянулись они до острова Кушин и покрыли

всю землю телами. И так ползли и ползли, пока не добрались до Атлантики. Но до Америки не доплыли – говорят, там их никто не видал. Так и сгнули! Но стока змей было, что, говорят, весь белый песок на побережье – от Бласкета до Ахилл-хед – то всё их кости.

Тут в рассказ вмешался Энди:

– Но, Джерри, ты ж нам не сказал, а Змеиный Король с ними ушел?

– Ха! Тороплив ты больно! Как я тебе скажу, ляйгенда-то не закончилась! Зато рот пересох, язык не ворочается – налейте-ка мне пуншу.

Он перевернул чашку вверх дном и поставил перед собой на стол, комически закатывая глаза в наигранном сокрушении. Миссис Келлиган поняла намек и поспешила налить ему новую порцию, так что вскоре Джерри продолжил повествование:

– Ну вот. Когда змеюки купаться отправились и просушиться забыли, старый Змеиный Король ушел в глубь озера, а святой Патрик закатил глаза и говорит себе: «Ох, то ли сон мне снится? То ли он посмеяться надо мною задумал? Он мне чего тут устроил?» Смотрит туда-сюда, а следов Змеиного Короля не видать. Тута он поднимает крест и громким голосом говорит: «Эй! Ты! Иди сюда! Я хочу увидеть тебя!» – на этих словах Джерри изобразил пантомиму, представляя святого Патрика, а затем продолжил разыгрывать целый спектакль-диалог между святым и Змеиным Королем. – Ну и тута Змеиный Король подымает голову из озера и говорит: «Кто меня зовет?» а святой ему: «Я зову». И так святой Патрик осерчал, что Змеиный Король не ушел со змеюками своими, когда им велено было, что прям затрясся от гнева – даже не сразу говорить дальше смог. «Ну и чего ты от меня хочешь?» – спрашивает его Змеи-

ный Король. «Я хочу знать, почему ты не покинул ирландскую землю с остальными змеями», – говорит ему святой. «Ты велел змеям уйти, а я их король. И ты мне указа не делал!» – отвечает Змеиный Король – и сразу шасть и в воду нырнул, точно молния сверкнула. «Ну, вон оно как», – говорит святой Патрик и думает, чего дальше делать. А потом опять зовет: «Эй! Ты!» – «Чего тебе от меня снова надо?» – спрашивает Змеиный Король, высываясь из озера. «Я хочу знать, почему ты не слушаешься моих приказов?» – спрашивает святой. А Змеиный Король глянул на него и смеется. И такой вид у него злющий, скажу я вам, потому что солнце уже зашло, а луна поднялась, и камень в его короне сверкает холодным светом, так что дрожь до костей продирает. И говорит Змеиный Король медленно, точно поверенный в суде, когда дело совсем плохо: «Я не послушался твоего приказа, потому что я тебе не подчиняюсь. Нет у тебя власти надо мной». – «Это как это?» – спрашивает святой Патрик. «Потому что тута мои владения, – говорит Змеиный Король. – И у меня тута исключительное право. Я, – говорит, – тута полный гувернартор и не пойду отсюда, пока не будет на то моя личная воля», – и снова шнырь в озеро поглубже. «Ну и дела, – рассердился святой; поднимает крест повыше и кричит: – Эй! Ты! Поди сюда!» Змеиный Король опять из воды высунулся: «Чего тебе, святой? Чего ты от меня снова хочешь? Отстань от меня». – «Так ты уйдешь или нет?» – спрашивает святой Патрик. «Я тута король, и я никуда не уйду». – «Ну, тогда, – говорит святой, – я свергаю тебя!» Змеиный Король ему в ответ: «Ты не можешь сделать этого, покуда на мне корона». – «Тогда я сниму ее с тебя», – говорит святой Патрик. «Ты меня сперва поймай!» – говорит Змеиный Король и с этими словами ныряет снова в воду, только пузыри пошли по

озеру. Ну, тута святой прям так и встал, смотрит на воду, а она вниз, вниз и исчезает, а гора трястись начинает, потому что огромный змей там внутри мечется и поглубже забирается в гнездо свое.

И вот стоит святой перед пересохшим озером на краю, и крест в руке. И зовет он Змеиногo Короля. А потом идет вниз – и тамa лежит энтот Король, свернувшись кольцами в основании озера, – и никто не знает, как он туда забрался, и святой не знал. А потом поднимает Змеиный Король голову – а короны-то на ней нет! «Где твоя корона?» – спрашивает его святой. «Спрятал», – говорит ему змей – и в глаза смотрит. «И где она лежит?» – спрашивает святой. «Корона моя в горе зарыта, и ни ты, ни подобные тебе еще тыщу лет не коснутся ее!» – сказал змей и снова глядит. «И где я найду ее, говори!» – осерчал святой. А Змеиный Король глядит на него с гадкой такой ухмылкой и отвечает: «Видел воду в озере?» – «Видел», – отвечает святой. «Как найдешь, куда вода утекла, найдешь и камень из моей короны, – и не успел святой слова сказать, змей дальше говорит: – а пока не сыщешь мою корону, я тутa король, хоть ты меня и проклинаешь, и гонишь. И я тутa появлюсь, когда ты не ждешь, а пока буду присматривать за своей короной. Так что пошел я пока – моя тутa воля». И больше слова не сказал – ни дурного ни доброго. Между камнями скользнул – и нет его! С той поры место то зовется Шлинанаэр, или Змеиный перевал. А теперь, сэр, коли мамаша Келлиган всю бочку не вылакала, хочу я еще капельку того пунша – тяжелая работа ляйгенды сказывать.

Хозяйка немедленно подлила ему пунша, а компания стала обсуждать предание. Одна из женщин заметила:

– Вот любопытно мне: и чего он сотворит, коли вернется?

Джерри ответил:

– Говорят, логово его тама, где блуждающее болото. Гора с озером поверху из всей земли – самое урожайное место было. Тока потом болото стало туда-сюда ходить, и тут не разживешься.

В разговор вступил суровый мужчина, которого звали Мак-Глоун – прежде он слушал молча, насупившись.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА